
ДИСКУССИЯ

БАЗОВЫЕ МЕТАФОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ¹

© 2013 г. В. Ф. Петренко

*Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва*

Рассматриваются ментальные установки, имплицитные модели, базовые метафоры, которые определяют специфику той или иной психологической теории. Обсуждаются социальный климат и духовные ценности, в атмосфере которых создавались психологические теории.

Ключевые слова: имплицитные модели, базовые метафоры, психосемантика, психологические теории.

За многочисленными школами, существующими в психологии, стоит гораздо меньшее число базовых метафор, имеющих, как правило, характер визуального образа или образа действия и задающих тот смысловой корень, из которого произрастают психологические теории. Поясним на примере: А.А. Богданов [3] в своей фундаментальной монографии “Тектология: Всеобщая организационная наука”, которую многие ученые рассматривают как предвестницу кибернетики, предвосхитившую ряд положений теории систем фон Берталанфи [2], показывает, что “основной метафорой” (в терминах Богданова) в познании мира в первобытном обществе были племенные отношения внутри самого этого общества как материал, наиболее близкий и освоенный людьми. «Общепонятный язык во всей широте сохраняет основную метафору. В нем суждения или “предложения”, относящиеся к человеческим и социальным активностям, организуются совершенно одинаково с теми, которые относятся к активностям стихийным; например, подлежащим может быть предмет живой или неодушевленный, конкретный или отвлеченный, символ тела или процесса, или действия; один и тот же глагол, одно и то же прилагательное может выступать как сказуемое при всех этих разнородных подлежащих, т.е. как их прямая характеристика. Соответственно расчленению семьи, этой до сих пор основной социальной ячейки, все компоненты внешней природы, все абстракции идеального мира в большинстве языков разделяющихся на мужчин,

женщин и сексуально неоформившихся детей, ибо никакого иного смысла не имеет деление существительных на роды: мужской, женский и средний. Этот своеобразный монизм легко проследить по всей линии грамматики» [3, с. 46].

Русский язык несет в своей грамматике и синтаксисе огромный пласт архаичного мышления и миропонимания. В своё время нами было введено понятие “псевдодействие” для обозначения присущего русскому языку феномена описания предметной ситуации по аналогии с человеческим действием (см. [16]).

Рассмотрим, например, предложение: “Книга лежит на столе”. В ситуации пространственного взаимоотношения двух объектов меньшему по размеру – “книге” – приписывается роль подлежащего, т.е. субъекта, который совершает антропоморфное действие (разлеглась, понимаешь!). Этому субъекту (т.е. книге) приписывается ещё и половая принадлежность (книга – “она” при полном отсутствии каких-либо половых признаков). Описание окружающей реальности через её антропоморфизацию (т.е. наделение природных процессов человекоподобными свойствами и использование в качестве модели наиболее знаемое – собственные действия в мире) и составляет первейшую базовую метафору житейской психологии. Древний человек по аналогии с самой собой одушевлял природу, приписывая природным процессам субъектность. Сравним предложения: “Я иду домой” и “Идет дождь”; “Ветер качает деревья” и “Мать качает люльку с ребенком”; “Анастасия выглянула из-за плетня” и “Солнце выглянуло из-за туч”. В данных предложениях как человек, так и разного рода природные про-

¹ Исследования проводятся при финансовой поддержке РФФИ (гранты: № 11-06-12023-офи-м-2011; № 11-06-00196а).

цессы и стихии выступают в роли подлежащего, обозначающего активный агент действия. Отметим, что для снятия этого архаического, уходящего в седую древность феномена антропоморфизации неживой природы, присущего нашему языку, в падежной грамматике Ч. Филмора [52] вводится глубинный уровень смысловых ролей (“семантических падежей”), соответствующий современным представлениям о человеческой деятельности и природных процессах. Так, в падежной грамматике Филмор ввел семантические роли “Агента” – субъекта деятельности, которым может быть только живое существо. Рассмотрим, например, предложение: “Собака укусила прохожего”, где в роли агента выступает “собака”, а “прохожий” – объект воздействия (а не субъект), так как он не обладал намерением быть укушенным. В предложении “Музыка взволновала меня” местоимение “меня” не является активным агентом, скорее, это существо страдательное, которому отводится роль “пациенса”. Другой пример роли “пациенса”: “Я влюбился”, где “Я” – не активный субъект, поскольку нечто произошло со мной, а возможно, и помимо моей воли. На поверхностном, грамматическом уровне в первом примере “музыка” занимает место подлежащего, а на глубинном, семантическом – этому слову отводится роль инструмента воздействия, или средства. Аналогично тому, как в предложении: “Я иду пешком” (т.е. ногами) – ноги выполняют роль средства-инструмента. Проблему выделения “смыслового подлежащего”, отличного от грамматического, ставил еще Л.С. Выготский в книге “Мышление и речь” [8].

Процесс метафоризации происходит в мышлении по аналогии с тем, как характеристика одного более или менее известного объекта, события, процесса, состояния переносится на другой объект, сходный с первым по перцептивному образу, функциональному значению или эмоциональному тону (коннотации), и первый выступает моделью второго, позволяя извлекать из этой аналогии дополнительную информацию. С помощью метафоры человечество осваивает новые неисследованные области познания, перенося привычные представления и понятия на новую сферу. Одна из самых продвинутых наук – физика – просто пестрит стертыми метафорами, начиная от понятий “поле”, “напряжение”, “сила” в классической физике и до современных “теории струн”, “аромата частиц” – в атомной; “черных дыр”, “червоточин”, “кратовых ходов” и т.п. – в космологии. В психологии также можно встретить слова и выражения из непсихологических наук. Это могут быть заимствования из математики, физики, гео-

логии: “сфера”, “механизм”, “слои”, “глубины” и т.п. (см. [4]). Психологические теории базируются на широко понимаемой метафоре, будь то разновидность тропа (метафора, метамония, гиперболла, оксюморон, литота, олицетворение и т.п. [40]) или притча (как “Эдипов комплекс” [53]) или даже некий феномен, выступающий ярким примером – “прототипом” в терминах Э. Рош (см. [6]) целой содержательной области (например, фи-феномен в гештальтпсихологии или павловский слюнный рефлекс для бихевиоризма). Использование различных базовых метафор при построении психологических теорий позволяет говорить об их дифференциации. При этом базовые метафоры не только помогают освоению новых областей науки, но подчас являются тормозом, ограничивающим движение вперед. Так, например, “теория отражения” (часто с дополнением – “ленинская”) как официальная методология советской науки базировалась на метафоре “зеркала”, отражающего объективную реальность. На Западе ее философским аналогом выступает теория “когерентной истины” (см. [17]). Сыграв положительную роль в психологической науке при изучении процессов восприятия, отчасти – памяти, эта метафора оказалась неадекватной применительно к процессам творчества, фантазии, мышления. Как можно отражать то, чего еще нет и что находится в процессе творческой эволюции?

Компьютерная метафора в когнитивной психологии базируется на аналогии в работе человеческого мозга и компьютерного процессора. Конечно, и компьютерная метафора имеет существенные ограничения. Так, например, “искусственный интеллект” не может создавать “искусственные эмоции”, в то время как их естественные аналоги играют ведущую роль в процессах мышления, задавая взаимодействие аффекта и интеллекта.

С позиции базовой метафоры “компьютера с Интернетом” может быть рассмотрена набирающая силу трансперсональная психология. С моей точки зрения, в развитие “компьютерной метафоры” внесет вклад образ “квантового компьютера с космическим Интернетом”. В поле зрения трансперсональной психологии, в первую очередь, находятся психологические феномены, выходящие за рамки индивидуального бытия (психопрактики, трансовые состояния, переживание пиковых состояний, религиозный опыт и т.п.). Метафора “компьютер с Интернетом” как нельзя лучше подходит к Человечеству – не слишком продвинутому пользователю, открывающему неведомые области в семантическом пространстве интегрального космического сознания.

Различные базовые метафоры как базовые модели мира включают в себя аксиологические основания, а также этические следствия, вытекающие из той или иной модели мира, других людей, самого себя. О роли ценностей, имплицитно определяющих развитие науки и техники, писали И.Т. Фролов [55] и В.С. Стёпин [42]. Аксиологический компонент в науке, особенно зримо выступающий в гуманитарном познании, рельефно проявляет себя и в развитии психологической науки, в частности в тех базовых метафорах, которые лежат в основе того или иного методологического подхода, или (в терминах Куна) научной парадигмы. Так, В.В. Козлов выделяет семь волн в психологии, связанных со сменой социального бытия людей. Отметим, что его типологизация этапов развития психологии не является полной и в ней доминирует психотерапевтический акцент [19]. Из типологии Козлова выпали: гештальт-психология, когнитивная психология (Ж. Пиаже, Дж. Брунер, Дж. Келли, К. Прибрам), культурно-историческая психологии и теория деятельности (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин). Вряд ли психологические школы можно расположить в линейной последовательности следующих друг за другом волн. Ряд из них существовал параллельно друг другу во времени, да и зоны интереса у них, как правило, не совпадали. Но в типологизации В.В. Козлова присутствует важная идея: взаимосвязь времени появления той или иной психологической школы с социальным запросом, с состоянием общественно-политического климата, в рамках и во взаимодействии с которым и формируется новая психологическая парадигма.

Базовая метафора физиологической психологии. Если отвлечься от истории работы с сознанием и его измененными состояниями (идущей из глубин ведической культуры, йоги, дельфийских оракулов; от практик медитации на Йидам – божественную сущность) в тантрическом буддизме или от православного исихазма, использующего для достижения измененного состояния сознания Иисусову молитву, от суффийских трансвых танцев (типа зикра) и т.п.), то начало “научной” психологии заложено в физиологической психологии, рассматривающей психику человека в связи с его организмом. “Можно с уверенностью утверждать, что первые эксперименты в психологии были больше психофизическими, чем психологическими... И первым предметом психологии является психофизиология органов чувств, ощущений и восприятий. Первые эксперименты с данным предметом (Г.Т. Фехнер) по-

священы измерениям ощущений в зависимости от величин физических раздражителей, порогов восприятия и построения психофизических шкал” [19, с. 28]. Базовой метафорой физиологической психологии, как и последовавшего за ней бихевиоризма, могла бы быть метафора, идущая от французских просветителей-рационалистов – образ человека как музыкального инструмента, на котором играет природа. Эти представления, идущие от эпохи французского Просвещения, немецкой философии рационализма, связаны с дехристианизацией Европы в лице ее пресвященной части. “Бог умер”, – провозгласил Ницше, и вновь рождающаяся наука психология отказалась от понятия души как религиозного понятия. Психология, отказавшись от представлений о человеке как созданном по образу и подобию Божию, отбросила и способствующие душе понятия, такие как “творчество”, “долг”, “честь”, “вина”, “спасение”, “сострадание”. Человека свели к его организму, биологическому механизму. Именно физиологическая психология стала краеугольным камнем материалистически ориентированной советской психологии, которая, опираясь на концепцию свойств нервной системы, берущую свое начало от работ И.П. Павлова о типах высшей нервной деятельности, разработала целостную универсальную модель психологической науки [там же, с. 29]. И если в физиологической психологии еще сохранились понятие “сознание” и метод интроспекции, идущие от философии, то логическое продолжение “физиологической психологии” – бихевиоризм – элиминировал и эти “рудименты и атавизмы” философии. “Стимул-реакция” – предельно простая формула бихевиоризма, сводящая человека к автомату, в котором в ответ на внешний стимул запускается поведенческая реакция. Человеком правит внешний стимул, и последующее введение в необихевиоризм “промежуточной переменной” принципиально ничего не меняет в этой парадигме внешнего детерминизма. “Становление бихевиоризма совпало с быстрым развитием промышленности, усложнением управленческих, образовательных систем в США. Практическое приложение этой теории – введение конвейеров, развитие рекламы, программированного обучения и т.п.” [там же, с. 31], т.е. таких социальных практик, которые базируются на механистической активности или имеют манипуляторский характер управления человеком. Сведение человека к механизму – общий грех менталитета и идеологии 20-х годов XX в.: от искусства (в частности, поэзии футуризма), воспевающего машинный мир, лишённый человеческого сострадания, до полити-

ки, ориентированной на однородные, утратившие индивидуальность массы: “Бьют барабаны, шагают бараны, кожу на барабаны дают сами бараны” (Б. Брехт). В предвоенные годы грех деперсонализации был присущ ментальному и идеологическому климату как для стран с явно тоталитарной идеологией (Германия, Италия, Япония, СССР), так и для значительного большинства стран Европы, Северной и Южной Америки. Дехристианизация Европы, России и Америки проявилась и в дегуманизации образа человека, зафиксировавшись в том числе и в психологии. Во многом кармической расплатой за этот грех дегуманизации стали Первая и Вторая мировые войны.

Базовые метафоры психоанализа. Развивавшийся параллельно бихевиоризму психоанализ значительно усложнил образ человека, присовокупив к его рациональному Эго огромный пласт как индивидуального (З. Фрейд), так и коллективного (К. Юнг) бессознательного. «Психоанализ привнес новые субъект-субъектные диалогические отношения личности в отличие от субъект-объектного медико-биологического отношения в физиологической психологии. В психоанализе мы уже видим “живого другого”, партнера по взаимодействию, который имеет свой голос и свободен в решении, выборе – вплоть до принятия или непринятия психотерапевтической аналитической игры» [19, с. 30]. Базовой метафорой психоанализа может быть мифологема “эдипова комплекса” – по Фрейду, условие формирования личностной идентичности и запуска процесса социализации, выражающегося в идентификации с образом отца и стремлении занять его место на ложе с матерью. Другой базовой метафорой психоанализа мог бы служить образ парового котла, снабженного золотником как регулятором давления внутри котла. При повышении давления внутри котла клапан золотника приподнимается, позволяя выйти наружу избыточному пару и тем самым сбросить избыточное давление. С позиции кибернетики пример парового котла, снабженного клапаном для сброса избыточного давления, – простейшее гомеостатическое устройство с обратной отрицательной связью, позволяющее поддерживать внутри себя динамическое равновесие. Данная метафора пронизывает ранние работы Фрейда, в которых мотивом совершения действия выступала потребность в динамическом равновесии организма со средой. Однако в более поздних работах (“По ту сторону принципа удовольствия”) он отказывается от гомеостатической модели и на основе феноменологии травматических неврозов, имеющих неадаптивный характер, постулирует принцип Танатоса, направленный на

саморазрушение и смерть и являющийся антиподом принципа Эроса – влечения к удовольствию. Классический психоанализ Фрейда хорошо описывает “человека из подполья”, находящегося наедине со своими внутренними конфликтами, сексуально закомплексованного, невротичного, истеричного, но не затрагивает проблемы социального взаимодействия и духовного развития личности, богоискательства и осознания себя в контексте трансцендентального. Эта тематика развивалась уже в неофрейдизме в трудах К. Юнга, А. Адлера, Э. Фромма, подготавливая почву для появления гуманистической и трансперсональной психологии (см. [46–48]).

Базовой метафорой гештальтпсихологии (К. фон Эренфельс, М. Вертгеймер, К. Коффка, В. Кёлер, К. Дункер), изучающей процессы восприятия и мышления, может выступать феномен Фи-движения, демонстрирующий несводимость целостного образа к сумме отдельных ощущений. Суть его такова: если последовательно зажигать отдельные точечные источники света, расположенные в некоторой последовательности в пространстве, то при определенных соотношениях яркости этих источников, расстояний между ними, временном интервале последующих друг за другом вспышек возникает иллюзия непрерывно движущейся световой полосы (“бегущей волны”), визуально не разложимой на отдельные ощущения. Идея неразложимости целостных психических структур на отдельные элементы была продолжена в разработках когнитивной психологии, возникшей в 60-е годы прошлого столетия.

Базовой метафорой когнитивной психологии (Дж. Миллер, Г. Саймон, А. Ньюэлл, Дж. Брунер, К. Прибрам, Р. Солсо, Дж. Сперлинг, Б.М. Величковский) является компьютерная метафора, рассматривающая работу мозга человека по аналогии с работой компьютерного процессора. “Согласно этой модели, люди, подобно компьютерам, кодируют символьные входные данные (*input*), перекодируют их, принимают решения в их отношении, хранят какую-то их часть в памяти и, наконец, декодируют и выдают символьные выходные данные (*output*). ...В этом диалектическом танце ума и машины компьютер предстаёт в качестве интригующей метафоры человеческого разума” [54, с. 324–326]. Конечно, и компьютерная метафора имеет существенные ограничения. Например, “искусственный интеллект” ограничен невозможностью создания “искусственных эмоций”, в то время как их естественные аналоги играют ведущую роль в процессах мышления, задавая взаимодействие аффекта и интеллекта.

Одним из интересных направлений когнитивной психологии является разработка голографической модели психических процессов.

Голографическая метафора памяти, более широко – психики человека восходит к работам К. Прибрама (1980). Помогая в систематизации результатов исследований известного нейропсихолога К. Лешли по резекции части мозга у животных, Карл Прибрам пришел к заключению о том, что память и сформированные навыки у прооперированных животных сохраняются и при удалении обширных зон мозга, т.е. сформированные навыки не локализованы в каких-то конкретных областях мозга, а распределены по всему его объему. Опираясь на работы физика Д. Боме (см. [43]), Прибрам использовал феномен голограммы как метафору функционирования памяти. Суть физической голограммы – фиксация на материальном носителе (например, на фотопленке) результатов интерференции двух электромагнитных волн, исходящих из когерентных источников. Один из источников является отражением некоего объекта, и при интерференции его и второго источника возникает картина в виде темных и светлых колец, фиксирующих наложение двух волн. Если освещать голограмму с помощью луча лазера, то возникает объемное изображение “сфотографированного” в голограмме объекта. Интересна особенность голографической матрицы: отрезанный кусок любой ее величины будет сохранять все целое изображение, только при меньшей его четкости. Идею сохранности в памяти всего пережитого человеком выражали и экспериментально подтверждали: на нейропсихологическом материале – А.Р. Лурия, на материале визуальной памяти – Б.М. Величковский, в гипнотических опытах – В.В. Кучеренко. Эта идея целостности и сохранности всего пережитого опыта как отдельного человека, так и человечества органично входит в формирующееся мировоззрение современной трансперсональной и интегративной психологии.

Культурно-историческая психология и теория деятельности имеют долгую историю (от 20-х годов прошлого века до дня настоящего) и претерпели определенную трансформацию в своих методических основах. Л.С. Выготский [9] выдвинул базовые положения культурно-исторической психологии:

1. Высшие психические процессы (функции – у Выготского) возникают в ходе интериоризации общественного опыта (культуры).

2. Процесс интериоризации происходит в ходе социального взаимодействия (ребенок – взрос-

лый, учитель – ученик) и может быть выражен формулой “из интер- в интра-”.

3. Высшие психические процессы (сознание, мышление, память, внимание и т.п.) являются знаково опосредованными, где знаки выступают психическими орудиями, с помощью которых человек управляет процессами собственной психики, делая их произвольными и осознанными.

Одно из направлений культурно-исторической психологии заключалось в непосредственном сопоставлении психических процессов у представителей различных культур, находящихся на разном уровне цивилизационного развития. Так, получившие школьное образование отличаются сознанием и мышлением от живущих в традиционном обществе и, соответственно, не получивших систематического образования.

Эпиграфом культурно-исторической психологии могло бы стать известное выражение А.Р. Лурия “у узбеков нет иллюзий”, присланное (по легенде) телеграммой Л.С. Выготскому по поводу отсутствия визуальных иллюзий у людей, не получивших школьного образования и, соответственно, не знакомых с понятием перспективы в живописи. Исследования Лурия, проведенные в ходе экспедиции в Узбекистан, выявили интересный феномен неспособности решать силлогизмы и выводить логические следствия исходя из их содержания людьми с традиционалистским менталитетом, не получившими школьного образования. Лурия на основе этих экспериментов предположил отсутствие рефлексии у представителей традиционных культур. Однако казахский психолог М.М. Муқанов [34] на материале национального фольклора убедительно показал, что пословицы, поговорки, айтесы (юридические прецеденты традиционного права) выполняют ту же функцию рефлексии мышления, что и европейская (аристотелева) логика.

Тем не менее очевидно различие в культурно-исторических орудиях опосредствования в процессах сознания и мышления, а также форм и уровней обобщения, на которых осуществляются высшие психические процессы у представителей различных культур, что свидетельствует в пользу подтверждения культурно-исторической психологии.

Теория деятельности (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, А.В. Брушлинский, О.К. Тихомиров, Н.Ф. Талызина, В.П. Зинченко, К.А. Абульханова-Славская, Ю.Б. Гиппенрейтер и др.) не представила базовой метафоры своего

подхода, но неким прототипом подхода, или, как любил выражаться А.Н. Леонтьев, экспериментом “крючис” могло бы выступить его исследование возникновения кожной светочувствительности, в рамках которого высвечиваются все базовые принципы, идущие от культурно-исторического подхода Л.С. Выготского. Напомним содержание этого эксперимента: А.Н. Леонтьев [25] проецировал на участок ладони испытуемого поток света, который он не мог видеть, так как кисть его руки находилась в экспериментальном аппарате. Наличие фильтров не позволяло ему чувствовать тепло этого светового потока. Непосредственно после светового воздействия участника эксперимента подвергали удару электрическим током, который он мог избежать, вовремя одернув руку. Согласно теории классического условного рефлекса, у испытуемого при многократном сочетании светового ощущения и удара током должен был сформироваться условный рефлекс одергивания руки в нужный момент. Но этого не происходило. Требовалась инструкция экспериментатора испытуемому (вспомним принцип из “интер-” в “интра-” Выготского) о том, что, ощутив нечто (пациенты описывали ощущение светового потока как прикосновение, например, крыла бабочки и т.п.), он может избежать удара током, одернув руку. Пафос исследований Леонтьева состоял в том, что для формирования условного рефлекса (а большинство физиологов в 1950-е годы прошлого века пытались отнести психику к высшей нервной деятельности) необходима субъективная представленность испытуемому воспринимаемого объекта (в нашем случае – потока света). Без этой субъективной представленности, т.е. работы психики, условный рефлекс не возникает. Таким образом, в противовес физиологам Леонтьев показал, что психика – не эпифеномен, сопровождающий (как тень) физиологические процессы, а необходимый и весьма существенный компонент физиологии активности. Другой принципиальный момент, получивший развитие в теории деятельности, связан с собственной активностью познающего субъекта (испытуемого). Ощущение возникает тогда и только тогда, когда абиотический (т.е. биологически незначимый стимул) поток света несет сигнальную функцию о биологически значимом (ударе электротоком). Таким образом, мы можем наблюдать эмпирическое подтверждение идеи Выготского о знаковом опосредовании произвольных психических процессов. Как видим, эксперимент Леонтьева с кожной чувствительностью вобрал в себя основные положения культурно-исторического подхода, поэтому может выступать своеобразной метафорой всего

деятельностного подхода в психологии, являющегося логическим продолжением культурно-исторической психологии.

Относительно аксиологических, ценностно-мотивационных аспектов теории деятельности в психологии стоит отметить, что за длительный срок ее существования – от начала 1930-х годов до дня сегодняшнего – произошли существенные изменения. Отечественная психология прошла путь от революционных лозунгов о необходимости создания марксистской психологии и формирования “нового человека” (этакого советского Адама), через годы сталинского террора, когда психология была фактически упразднена, а массы психологов репрессированы (по легенде Сталину принадлежат слова о том, что психология военному не нужна, ему требуется дисциплина), до интенсивного развития собственной научной парадигмы во второй половине XX века. Кардинальные изменения российской политики, экономики, идеологии не могли не отразиться на методологии и ценностных основаниях отечественной психологии и ее культурно-исторической, деятельностной парадигмы.

Значительное влияние на современное состояние деятельностного подхода в психологии оказывают философские принципы постнеклассического мышления и рациональности [18, 24, 33, 42]. Современное развитие культурно-исторической психологии и психологической теории деятельности характеризуется методологическим плюрализмом и широкой интеграцией с другими гуманитарными и естественно-научными подходами и парадигмами (см. [1, 12, 15, 21, 39, 41, 44, 50]).

Базовые метафоры гуманистической и трансперсональной психологии. Послевоенные 1950-е, а затем 1960-е годы – время становления американской и европейской контркультур, поиск новых смыслов бытия для единичного человека, новых путей развития цивилизации для общества. Обостренная после Второй мировой войны жажда жизни рождает сексуальную революцию; раскрепощение в эмоциональной сфере приводит к революции в музыке как наиболее интимной области выражения бессознательного. Лозунгом нового поколения становится слоган “*Make love. Not War*”. “По Америке прокатилась очередная коммуитарная волна, на гребне которой создаются духовные коммуны, происходят масштабные эксперименты с новыми стилями жизни и поиски новой общности людей, пытающихся прорваться через ограничивающие стереотипы” [20, с. 176].

Окончание Второй мировой войны ознаменовалось распадом колониальной системы и открытием молодыми американцами Востока, духовного опыта Индии. На создателей трансперсональной психологии (А. Маслоу [29], Р. Фрейджер [54], С. Гроф [11], С. Криппнер и др. [22], М. Мерфи [32], А. Минделл [34], Ч. Тарт [45], Г. Хант [56], Р. Уолш [51], К. Уилбер [49]) оказало огромное влияние знакомство с философией и религией буддизма, индуизма. Большинство из них получали духовный опыт и осваивали психопрактики измененных состояний сознания непосредственно в ашрамах Индии. Взаимопроникновение национальных культур, глобализация человеческого духа, распространение психологических практик и психотерапии, обусловленных успехами гуманистической и экзистенциальной психологии, подготовили почву для появления трансперсональной психологии – области психологии, выходящей за рамки как индивидуального бытия человека, так и социума в допущение существования некоей трансцендентальной реальности, доступной только “пробужденному сознанию”.

“Трансперсональная психология изучает сознание в широком спектре его проявлений, таких как необычные состояния сознания, духовный кризис, околосмертные переживания, развитие интуиции, творчества, высшие состояния сознания, личностные ресурсы, парапсихологические феномены и т.д. Она опирается на целостное видение человека в перспективе его духовного роста, классическую и неклассическую философскую антропологию, мировые духовные традиции, разнообразны способы самопознания и психотерапии, такие, как медитация, холотропное дыхание, телесно-ориентированная психотерапия, терапия искусством, работа со сновидениями, активное воображение, самогипноз” [20, с. 188].

Таким образом, трансперсональная психология значительно расширила область изучения психологической реальности, направив внимание на феноменологию, выходящую за рамки личностного или социального бытия. Если для прояснения обсуждаемого состояния дел обратиться к притче или анекдоту, то можно сказать, что академическая психология со своим логическим и высоконаучным инструментарием ищет истину “там, где светло”, где имеются выверенные методы и определен объект исследования, но в своей академичности она игнорирует многие экзистенциальные проблемы бытия человека, не зная, как к ним подступиться. А трансперсональная психология “ищет черную кошку в темной комнате, которой там может и не быть вовсе”.

Трансперсональная психология ассоциируется с путешествием в неведомое. Но, в отличие от времени Великих географических открытий, это путешествие осуществляется внутрь собственного сознания, в глубины бессознательного или в высокие сферы трансцендентального (при всей многозначности и многоплановости трактовки этого понятия). В рамках классической науки принято давать объяснения исходя из наличного состояния знания, предполагая его полноту и способность выстроить целостную и законченную теорию, которая будет трансформирована или отвергнута только на новом витке познания. В каждый исторический момент классическая наука знает “всё” и должна дать объяснение любым проявлениям бытия. Можно вспомнить трагикомичные увещевания маститых физиков конца XIX века к молодой поросли ученых о том, что “в физике все уже открыто” и им придется только уточнять энные величины после запятой для мировых констант.

Методология постнеклассической рациональности [42], близкая по духу трансперсональной психологии, позволяет объяснять существование некоторого люфта “незнаемого” наличием понятий, имеющих не научный, а метафорический или мифологический характер. Так, например, в переживаемых людьми “многообразии религиозного опыта” [13], “пиковых состояниях” [29], “выходе в трансцендентальное” [20], воздействии “духов местности” в шаманских камланиях в трансперсональной психологии остается не определенным, *кто* или *что* является источником трансляции человеку по его встроенному в сознание (или бессознательное) “интернету” образов, выходящих за границы мира сего. В практике трансперсональной психологии допускается использование четко не определенных, не операционализированных понятий, взятых из религии, мифологии и являющихся метафорами или житейскими представлениями. За счет метафоричности, образности и эмоциональной насыщенности языка описания, а также утраты четкости и однозначности используемых понятий трансперсональная психология может говорить о реальности, лежащей за порогом научной рациональности, но значимой для экзистенциального бытия человека (проблемы жизни, смерти, творчества, сохранения идентичности, эмпатии, интеграции с миром, трансцендирования и выхода за рамки индивидуального бытия).

Если базовой в когнитивной психологии является “компьютерная метафора”, то в трансперсональной психологии такой метафорой мог бы

стать существующий (пока как идея) квантовый компьютер с сетевым Интернетом. Понятие “квантовый компьютер” – это некий принцип, идея, не имеющая на данный момент физического воплощения. Он аналогичен, например, “машине Тьюринга” – гипотетической виртуальной модели, сыгравшей, тем не менее, важнейшую роль в развитии компьютерной техники. Идея квантового компьютера базируется на феномене “квантового сцепления” Эйнштейна–Подольского–Розена (спутанности, “перепутанности” в разных вариантах перевода термина *entanglement*). Феномен “квантовое сцепление” был первоначально сформулирован в противовес теоретической позиции Нильса Бора как парадокс, как то, “чего не может быть”. Суть его в том, что если частица и античастица имеют общий источник в их генезисе, то при определении какого-либо параметра одной частицы, например ее спина² (который, согласно принципу Гейзенберга [10], не существует до момента самого измерения, но присутствует как потенциальная возможность находиться в том или ином состоянии), ее связанный парный элемент одномоментно обретает противоположную первой характеристику, как бы далеко друг от друга эти частицы не находились. То есть нарушается “принцип локальности” как независимости процессов, происходящих в разных концах Вселенной. Феномен “квантовое сцепление” получил подтверждение в экспериментах А. Аспекта (см. [30, 31]), и идея целостности бытия – “убери из мира песчинку, и рухнет Вселенная”, – присущая как древнегреческим, так и буддийским философам, обрела новое звучание в рамках квантовой физики. Буддийская теория кармы и христианское утверждение “по вере же и воздастся”, вопрошение Эйнштейна “Влияет на космос то, что его в данный момент созерцает мышь” или суждение М. Булгакова “Рукописи не горят” оказываются объединенными общей базовой метафорой “нелокальности бытия”. То есть все в мире взаимосвязано и имеет отклик: от свершенного действия или поступка до появившейся “в голове человека” мысли или порождения образа фантазии.

Вернемся, тем не менее, к модели “квантовый компьютер” как к метафоре работы сознания в трансперсональной психологии. Принцип гипотетического квантового компьютера основан на “связности” его физических носителей, где математическое гильбертово пространство описывает

бесконечное множество возможных состояний этого квантового компьютера, имеющего неисчерпаемую емкость и работающего на параллельных процессах. Так почему же гипотетический квантовый компьютер (добавим: подключенный к некоему “космическому Интернету”) мы рассматриваем как метафору трансперсональной психологии?

Физик А.С. Холево [57] высказывает мнение о том, что элементы квантового компьютеринга присутствуют в человеческом мышлении. Вот эти феномены:

1. Способность целостного восприятия информации в противоположность разложению на составляющие свойства; возможно, глаз как орган мозга способен принимать не только классические состояния входящего света, но и непосредственно квантовые состояния фотонов, чем объясняются особая мощь и пропускная способность визуальных коммуникаций и их органическая связь с распознаванием образов.

2. Дополнительность между “действием” и “размышлением”, аналогичная квантовой дополнительности между положением и скоростью, на которую обращал внимание еще Н. Бор в своих физико-философских эссе [5]. Примечательно, что при разработке концепции квантовой дополнительности Бор исходил из уже существовавшей аналогичной концепции витализма в биологии.

3. Черты “сцепленности” (или “нелокальности”), когда информация, содержащаяся в объединении подсистем некоторой сложной системы, превосходит арифметическую сумму количества информации, получаемой из подсистем.

4. Феномен сознания–подсознания. Трудно удержаться от такой (конечно, крайне упрощенной) аналогии: некоммутативная алгебра квантово-механических наблюдаемых, в которой в каждый момент времени “сканируется” некоторая доступная наблюдению коммуникативная (классическая) подалгебра.

5. Органическое сочетание аналоговых и цифровых методов, эффективный параллелизм обработки информации.

Разумеется, пишет Холево, эти соображения (и другие, такие как наличие интуиции и свободы воли) носят косвенный характер и не влекут с неизбежностью вывода о том, что в мозге человека или нервной системе других живых существ присутствуют “квантовые микрочипы” или другие квантово-физические механизмы, ответственные за неклассические вычисления и соответствующее поведение [57, с. 19].

² Спин (от англ. spin – вращение) – собственный момент импульса элементарных частиц, имеющий квантовую природу и не связанный с перемещением частицы как целого (прим. ред., цит. по БСЭ).

Известный физик и математик Р. Пенроуз в своей получившей мировое признание книге “Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики” [38] описывает исследования американского ученого С. Хамероффа о возможности вычислений, происходящих в микротрубочках цитоскелета клетки. По мнению Пенроуза, феномен сознания тесно связан с физическими процессами, происходящими на квантовом уровне и реализуемыми этими микротрубочками, которые на микроскопическом уровне выступают как “клеточные автоматы”. Выдающийся физик Р. Фейнман в свое время доказал, что гамильтоновы “клеточные автоматы”, под характеристику которых попадают микротрубочки С. Хамероффа, могут осуществлять вычисления любой сложности (см. [27]). Но важно подчеркнуть, что Пенроуз не сводит сознание к вычислительным процедурам, а объясняет неопределенность и спонтанность, исследовавшиеся как феномен инсайта в гештальтпсихологии, через редукцию волновой функции, осуществляемую микротрубочками Хамероффа. Будущее науки покажет верность или ошибочность поиска физических коррелятов сознания в функционировании клеточных цитоскелетов. Вполне возможно, что представлениям Хамероффа и Пенроуза уготована судьба “животных духов” Рене Декарта (бегавших по полым нервам и осуществлявших передачу команд от мозга к эфферентным органам), и они останутся в истории науки о сознании как пример мифотворчества. Но в любом случае как модель Декарта задала правильную научную парадигму, где современная наука только заменила “животных духов” на электрические импульсы-спайки, так и соображения Пенроуза о квантовой природе физических коррелятов сознания и феномене редукции волновой функции в качестве механизма спонтанности и произвольности останутся базовой парадигмой представлений о физических основаниях механизма сознания.

Рассмотрим вторую компоненту метафоры трансперсональной психологии “квантовый компьютер с космическим Интернетом”. Откуда приходят вещие сны, творческая интуиция, пророчества? Для религиозного человека такой вопрос вряд ли актуален. Но образ ветхозаветного Бога, “нашептывающего” креативные откровения, вряд ли устроит мировоззрение ученого. От Большого взрыва – момента образования нашей Вселенной до дня сегодняшнего, по мнению современных астрофизиков, прошло не менее 14 млрд. лет. Земля как космический объект существует не менее 5–6... млрд. лет, а жизнь на земле возникла 3–4 млрд. лет назад. Если пере-

фразировать слова Шарля де Костера, можно сказать: “Пепел потухших звезд стучит в нашем сердце”. Действительно, тяжелые элементы Периодической таблицы химических элементов (например, металлы) возникают только при коллапсе (взрыве) сверхновых звезд, когда выгорая, они сокращаются до гораздо меньших объемов, тем самым создавая чудовищные температуру и давление. Солнечная система вобрала в себя пепел этих погасших первичных звезд, а в нашем организме содержится, в частности, железо как компонент гемоглобина. Мы – дети Космоса, и наша эволюция – звено в “Глобальной Эволюции” (или *Big History* [36]). При этом, согласно вертикали Снукса–Панова (см. [37]), показавших экспоненциальный характер динамики земной эволюции (на геофизическом, биологическом и социальном материале), в настоящее время наша цивилизация подошла к моменту исторической сингулярности – своеобразной точке бифуркации, когда она либо исчезнет, либо примет иную, возможно, нематериальную форму. Великое молчание Космоса, по-видимому, может объясняться обеими возможностями. Цивилизация, дойдя до определенного уровня развития, либо уничтожит самоё себя, например, захлебнувшись в отходах собственного производства, либо перейдет в какую-то иную, вероятно, нематериальную форму. Великий космический мыслитель К.Э. Циолковский предположил, что человечество перейдет в будущем в форму лучистой энергии. Интеграция космических цивилизаций, превзошедших материальный уровень, образует “космическое сознание”, или “интегральный разум”. В этом плане контакт с космическими братьями по разуму следует искать не по проявлениям артефактов материальной культуры, а скорее в медитативных практиках нашего сознания, в глубинах собственного бессознательного. Эти мысли я выразил в метафоре “квантовый компьютер с космическим Интернетом” как базовой в развитии психологической науки будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания // Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
2. *Берталанфи фон Л.* Общая теория систем. Критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сб. переводов / Под общей ред. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969.
3. *Богданов А.А.* Тектология: Всеобщая организационная наука. М.: Финансы, 2003.

4. *Болдарева С.К., Климов Е.А.* Мысли о психике в обыденной речи. М.: Московский психолого-социальный институт, 2008.
5. *Бор Н.* Атомная физика и человеческое познание. М., 1961.
6. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
7. *Вертгеймер М.* Продуктивное мышление: пер. с англ. / Под общей ред. С.Ф. Горбова и В.П. Зинченко. Вступ. ст. В.П. Зинченко. М.: Прогресс, 1987.
8. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.–Л., 1934.
9. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. М.: Педагогика, 1983.
10. *Гейзенберг В.* Философские проблемы атомной физики. М.: Иностран. лит., 1953.
11. *Гроф С.* Космическая игра: Исследование рубежей человеческого сознания. М.: АСТ, 2004.
12. *Гусельцева М.С.* Понятие прогресса и модели развития психологической науки // *Методология и история психологии.* 2007. № 3. С. 107–119.
13. *Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. М., 1993.
14. *Зинченко В.П.* Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М., 1997.
15. *Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.
16. *Ермолаев Б.А., Петренко В.Ф.* К вопросу о глубинных семантических структурах // *Структуры познавательной деятельности.* Владимир, 1976. С. 107–129.
17. *Касавин И.Т.* Истина // *Новая философская энциклопедия.* М.: Мысль, 2001.
18. *Касавин И.Т.* Миграция. Креативность. Текст // *Проблемы неклассической теории познания.* СПб., 1999.
19. *Козлов В.В.* Интегративная психология: пути духовного поиска или освящение повседневности. М.: Психотерапия, 2007.
20. *Козлов В.В., Майков В.В.* Трансперсональный проект: Психология, антропология, духовные традиции. Ярославль: ЯрГУ, 2007.
21. *Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. М., 2007.
22. *Крипнер С., Богзаран Ф., Карвальо де А.П.* Сновидения: иная реальность. М., 2011.
23. *Лакофф Дж.* Когнитивное моделирование // *Язык и интеллект.* М.: Прогресс, 1996.
24. *Лекторский В.А.* Эпистемология. Классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
25. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1965.
26. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007.
27. *Малинецкий Г.Г.* Синергетика, нелинейность и концепция Роджера Пенроуза // *Введение в книгу Пенроуз Р. “Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики”.* М., 2008.
28. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.
29. *Маслоу А.* Психология бытия: Пер. с англ. О.О. Чистякова. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997.
30. *Менский М.Б.* Концепция сознания в контексте квантовой механики // *Успехи физических наук.* 2005. Т. 175. № 4. С. 414–434.
31. *Менский М.Б.* Человек и квантовый мир. Фрязино, 2007.
32. *Мерфи М.* Будущее тела. Исследование дальнейшей эволюции человека. М., 2010.
33. *Микешина Л.А.* Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. М.: Прогресс-Традиция, МПСИ, Флинта, 2005.
34. *Минделл А.* Тело шамана. М., 2006.
35. *Муканов М.М.* Психологическое исследование рассудка в историческом аспекте: Автореф. дисс. ... докт. псих. н. М., 1980.
36. *Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. Синергетика – психология – прогнозирование. М.: Мир, 2004.
37. *Панов А.Д.* Единство социально-биологической эволюции и предел её ускорения // *Историческая психология и социология истории.* 2008. Т. 1. № 2. С. 25–48.
38. *Пенроуз Р.* Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. М., 2008.
39. *Петренко В.Ф.* К проблеме психологии сознания // *Вопросы философии.* 2010. № 11. С. 47–57.
40. *Петренко В.Ф., Коротченко Е.А.* Образная сфера в живописи и литературе. Визуальные аналоги литературных тропов // *Психология. Журнал Высшей школы экономики.* 2008. Т. 5. № 4. С. 19–40.
41. *Петровский В.А.* Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.
42. *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
43. *Талбот М.* Голографическая модель Вселенной. Киев, 2008.
44. *Талызина Н.Ф.* Сущность деятельностного подхода в психологии // *Методология и история психологии.* 2007. № 4. С. 157–162.
45. *Тарт Ч.* Измененные состояния сознания. М.: Эксмо, 2000.

46. Турецкий М.И. Шломо Зигмунд Фрейд // Методология и история психологии. 2006. № 2. С. 113–137.
47. Турецкий М.И. Орел из пригорода (к 70-летию со дня смерти А. Адлера) // Методология и история психологии. 2007. № 2. С. 122–134.
48. Турецкий М.И. Строитель Боллингенской башни // Методология и история психологии. 2009. № 2. С. 108–120.
49. Уилбер К. Око духа. Интегральное видение для слегка свихнувшегося мира. М.: АСТ, 2002.
50. Умрихин В.В. Историко-методологические проблемы анализа научных школ в психологии // Методология и история психологии. 2007. № 4. С. 5–14.
51. Уолш Р. Основания духовности. М.: Изд. Кравчука, 2004.
52. Филмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10.
53. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989.
54. Фрейджер Р., Фейдимен Д. Личность. Теории, упражнения, эксперименты. СПб., 2008.
55. Фролов И.Т. Перспективы человека. 3-е изд. М., 2008.
56. Хант Г. О природе сознания. М.: Изд. Кравчука, 2004.
57. Холево А.С. Квантовая информатика: прошлое, настоящее, будущее: Сб. научно-популярных статей – победителей конкурса РФФИ 2009 г. М.: Геос. Природа, 2011. С. 10–20.

BASIC METAPHORS OF PSYCHOLOGICAL THEORIES

V.F. Petrenko

*Corresponding Member of PAS, Sc.D. (psychology), professor,
Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow*

Mental attitudes, implicit models, basic metaphors defining peculiarities of any psychological theory are considered. Ambient social climate and moral values in the period of their development are discussed.

Key words: implicit models, basic metaphors, psychosemantics, psychological theories.